

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-107
EDN VHWFMJ

Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970-1980-х годов

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. В статье рассматривается то, каким образом проявляет себя метаповествовательность в романах представителя третьей волны эмиграции Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (1979), «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1982), «История его слуги» (1984). В первых же фразах романа «Это я – Эдичка» указывается на активную роль реципиента. Литературный текст погружается в реальность, а действительность текста соприкасается с действительностью жизни. Вокруг реального читателя вращается целая мотивная линия в «Истории его слуги», которая связана с обсуждением в той или иной форме романа «Это я – Эдичка». Эксплицитный нарратор в романах неминуемо предстает искаженным образом, так как вне восприятия рассказчика он не существует, но рассказчик тоже предстает неполноценным без этого «читателя». В «Истории его слуги» и «Дневнике неудачника» рассказчик выстраивает одинаковый образ идеального читателя: офицер, человек действия, разрешающий проблемы посредством насилия. Обращения к эксплицитному нарратору в тексте сигнализируют о демонстрации субститута, замене читателю реальному. Коммуникация с эксплицитными нарраторами означает желание обрести слушателя. Рассказчик желает стать «читателем», занять его позицию. Литература управляет жизнью героя романов. Герой описывает свой статус как поэта, комментирует литературные произведения, выражает отношение к писателям, литературным героям. В произведениях Э. Лимонова метаповествование намекает на искусственность конструкции текста, но одновременно рассказчик выстраивает повествование так, что натуралистичность и исповедальность становятся характеристикой произведения.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; «История его слуги»; «Дневник неудачника»; литература третьей волны эмиграции; метаповествование; русское зарубежье

Для цитирования: Егоров М. Ю. Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970-1980-х годов // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 107-118. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-107>. <https://elibrary.ru/VHWFMJ>.

© Егоров М. Ю., 2024

Original article

Meta-narrative technique in E. Limonov's novels of the 1970s-1980s

Mikhail Y. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article examines the way meta-narrative manifests itself in the novels of the third emigration wave representative E. Limonov *It's me, Eddie* (1979), *Diary of a Loser, or Secret Notebook* (1982), *His Butler's Story* (1984). The very first sentences of the novel *It's me, Eddie* point to the active role of the recipient. The literary text is immersed in reality, and the reality of the text is in contact with the reality of life. The entire motive line in *His Butler's Story* revolving around the real reader, is connected to the discussion in one form or another of the novel *It's Me, Eddie*. The explicit narrator in the novels inevitably appears as a distorted image, since he does not exist outside the narrator's perception, but the narrator also appears incomplete without this "reader". In "His Butler's Story" and "Diary of a Loser", the narrator builds the same image of the ideal reader: an officer, a man of action, solving problems through violence. References to an explicit narrator in the text demonstrate the presence of a substitute, a substitute for the real reader. Communicating with explicit narrators implies a desire to find the listener. The narrator wishes to become the "reader", to take his position. Literature governs the life of the novel's main character. The hero describes his status as a poet, comments on literary works, and expresses attitudes toward writers and literary heroes. In E. Limonov's works, meta-narrative shows the artificially constructed text, but at the same time the narrator arranges the narrative in such a way that naturalism and confessionalism become the work's characteristics.

Key words: E. Limonov; "It's Me, Eddie"; "His Butler's Story"; "Diary of a Loser"; literature of the third wave of emigration; meta-narrative; Russians abroad

For citation: Egorov M. Yu. Meta-narrative technique in E. Limonov's novels of the 1970s-1980s. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 107-118. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-107>. <https://elibrary.ru/VHWFMJ>.

Введение

Эдуард Вениаминович Савенко (1943 – 2020) вошёл в русскую литературу под псевдонимом Эдуард Лимонов. Этот псевдоним был придуман, по заверению самого писателя, его другом художником В. Бахчаняном. Э. Лимонов в начале своего творческого пути прославился как поэт, однако возможности официально публиковаться в Советском Союзе у него не было.

Э. Лимонов самостоятельно печатал свои стихи на машинке, переплетал и продавал, распространял среди знакомых. В 1974 году под давлением советских властей Э. Лимонов покинул СССР, эмигрировал в США. Видимо, первые прозаические опыты относятся уже к периоду эмиграции. Первый объёмный прозаический текст – роман «Это я – Эдичка» – впервые в сильно урезанном виде появился на страницах

парижского журнала «Ковчег» в 1979 году. В этом же году роман был опубликован отдельной книгой в Нью-Йорке. Отрывки из книги «Секретная тетрадь, или Дневник неудачника» были опубликованы в 1978 году в парижском журнале «Эхо/Echo», книжное издание состоялось в Нью-Йорке 1982 году. «История его слуги» увидела свет в 1984 году в переводе на французский язык. Таким образом, романы, созданные писателем-эмигрантом, впервые были опубликованы за границей.

Романы Э. Лимонова «Это я – Эдичка», «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», «История его слуги» объединяет несколько факторов: автобиографичность, главный герой является рассказчиком, повествование ведётся от первого лица, герой носит то же имя, что и автор, место действия Нью-Йорк, его пригороды (критики объединяют романы в «Нью-Йоркскую трилогию»). В центре предлагаемого исследования стоит самый известный роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка».

Цель исследования – продемонстрировать каким образом метаповествовательные приемы, используемые в романах Э. Лимонова, влияют на специфику читательского восприятия произведений.

Методы исследования

Исследование не состоялось бы без обращения к богатому опыту формалистского и структуралистского анализов литературного текста. Из работ отечественных литературоведов в первую очередь следовало бы назвать статью В. Б. Шкловского «Искусство как приём» (1917) [Шкловский, 1983] и книгу Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста» (1970) [Лотман, 1970]. Изыскания в области метапо-

вествовательности потребовали обращения прежде всего к книгам П. Во «Метафикшн» [Waugh, 1984] и В. Б. Зусевой-Озкан «Историческая поэтика метаромана» [Зусева-Озкан, 2014]. Особенно важным выступает взгляд на метаповествование, продиктованный определением П. Во: «Метафикшн – это термин, обозначающий вымышленный текст, который сознательно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта, чтобы провоцировать вопросы об отношениях между вымыслом и реальностью» [Waugh, 1984, p. 2].

Результаты исследования

Неслучайно Э. Лимонов начинает «Это я – Эдичку» с пассажа, указывающего на необходимость активной роли реципиента. «Проходя между часом дня и тремя по Мэдисон-авеню, там где ее пересекает 55-я улица, не поленитесь, задержите голову и взгляните вверх – на немые окна черного здания отеля «Винслоу». Там, на последнем, 16-ом этаже, на среднем, одном из трех балконов гостиницы сижу полуголый я» [Лимонов, 1992, с. 14]. Герой-повествователь то ли приказывает, то ли предлагает читающему «задрать голову и взглянуть вверх», находясь по строго определенному адресу – месту обитания героя. Обычно в литературных произведениях читателю не предлагают проявлять собственную активность (разумеется, здесь есть исключения, среди классических – некоторые фрагменты «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Мертвых душ» Н. В. Гоголя). Поступая таким образом, Э. Лимонов разрушает иллюзию читателя как пассивного наблюдателя. Только используя глаголы множественного числа второго лица, рассказчик отказывается от прямого обраще-

ния к читателю – никакого названия (вроде, «уважаемый читатель» или хотя бы «вы») здесь нет. Однако и в этом случае адресат обращения и герой начинают существовать рядом. Герой обретает конкретность из-за указания на собственное точное географическое положение, а читатель «овнешвляется», привлекаясь в этот же мир.

В «История его слуги», описывая танцора балета Лодыжникова, нарратор предложит читателю: «Посмотрите только на эти балетные ляжки!» [Лимонов, 2021, с. 46]. А в «Дневнике неудачника» даётся сюрреалистический совет нарратору: «Прежде чем садиться – постелите на сиденье тонкий листок мяса. Опоящите мясом чресла, чтобы скрыть наготу. Когда износится, сбросьте, возьмите другое мясо» [Лимонов, 2007, с. 56]. В этой цитате откликаются некоторые мотивы творчества и обстоятельства жизни Э. Лимонова. Мясо выступает здесь в качестве предполагаемого материала для костюма персонажа. Э. Лимонов в СССР подрабатывал шитьём, шил брюки, пиджаки, платья. Его автобиографический герой во всех трёх романах регулярно вспоминает своё портняжье прошлое (например [Лимонов, 2007, с. 118, 182]). В «Это я – Эдичке» Елена упрасивает героя помочь «завернуться» в разноцветные ткани, создав таким образом оригинальный наряд [Лимонов, 1992]. Как видно, объединяющим цитату и стиль романов является безапелляционный тон, в который оформлено предложение. Экстравагантные мнения, поступки главного героя, характерное ультимативное их выражение являются отличительной чертой повествования. Эпатаж, шокирующее поведение являются характерными принципами не только

приведенного примера, но и ведущими принципами демонстрации героя в романах Э. Лимонова.

Реальность перешагивает грань литературного произведения ещё и потому, что по указанному в «Это я – Эдичке» адресу действительно располагалась отель «Winslow», в котором обитал реальный автор (в этом смысле показательно название статьи О. Матич «Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа» [Матич, 2013]). Э. Лимонов подчеркивал автобиографичную основу «Дневника неудачника» и особенно «Истории его слуги», в последнем романе он описывает собственный опыт работы в качестве дворецкого в доме богатого американца. «Лимонов – лирик и монист со склонностью к жизнетворчеству» [Донде, 1993, с. 298]. Литературный текст погружается в реальность, а действительность жизни соприкасается с действительностью текста (об автобиографичности романа Э. Лимонова и её преодолении см. [Ryan-Hayes, 1993; Carden, 1984]).

Рассказчик в романах отделяет себя от намеренно внедренного в текст «читателя»-собеседника. Чтобы подчеркнуть разность между собой и «читателями», Эдичка использует обращения «господа» и «ребята» (См. например [Лимонов, 1992, с. 19, с. 22, с. 49, с. 216; Лимонов, 2021, с. 127, с. 176] и т. д.).

Повествование в «Это я – Эдичке», «Секретной тетради», «Истории его слуги» ведется от первого лица, любая доступная информация подается сквозь призму понимания рассказчика. «Читатель», появляющийся на страницах романов, неминуемо предстает искаженным образом, так как вне этого искажения или восприятия рассказчика

он не существует. Но рассказчик тоже предстает неполноценным без этого «читателя».

Наличие же подобных обращений позволяет констатировать присутствие «читателя» как объекта непрерывного желания рассказчика, желания быть наверняка услышанным. Это желание превращается также и в конструирование «читателя», приписывание ему определенных качеств: «...вы платите налоги ...я хочу получать ваши деньги до конца дней своих. ...И считайте, что вы еще дешево отделались, господа. Рано утром вы вылезаете из своих теплых постелей и, кто в автомобилях, кто в сабвее и автобусе спешите на службу. ...Я вам не нравлюсь? ...Не хотите платить. А на х... вы меня вызвали, выманили сюда из России, вместе с толпой евреев? Предъявляйте претензии к вашей пропаганде, она у вас слишком сильная. Это она, а не я опустошает ваши карманы» [Лимонов, 1992, с. 15-16].

В «Дневнике неудачника» такой диалог превращается в обращения рассказчика к самому себе: «...надо быть храбрым и отчаянным – Эдька Лимонов; надо, брат, надо!» [Лимонов, 2007, с. 152] (см. также [Лимонов, 2007, с. 96]).

Говоря о «собеседнике», герой не стесняется в выборе выражений. Чем больше «читатель» вызывает отвращение у рассказчика, тем больше нуждается в нём рассказчик. Об этом говорят, например, финальные строки романа «Это я – Эдичка»: ««Я е...л вас всех, е...ые в рот суки!» – говорю я и вытираю слезы кулаком. Может быть, я адресую эти слова билдингам вокруг. Я не знаю. «Я е...л вас всех, е...ые в рот суки! Идите вы все на х...!» – шепчу я» [Лимонов, 1992, с. 322] (о роли

обсценной лексики в романе см. например [Simmons, 1994]). Менее эмоционально эта же тема обращения к зданиям звучит в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 252]. Герой-рассказчик строит своё высказывание как обращение к неведомому слушателю, не вызывающему доверия.

Выстраивание образа «читателя» в романах способно объяснить оригинальный характер личности рассказчика, резкого, откровенного, не уклоняющегося от использования нецензурной лексики. Уникальность рассказчика приходит, подтверждается как бы извне. Но сам этот объект «читатель» не так уж и определён. Он одновременно и желанен, необходим, и «противен», отвратителен рассказчику.

По отношению к описываемым в романах событиям нарратор представляет полное отсутствие, он в этих событиях не участвует. Однако вокруг этой пустоты вращается рассказчик-герой произведения, именно «читатель» и есть причина возникновения детализированного образа рассказчика в тексте, проявлений его характера. В «Это я – Эдичка» главный герой вспоминает одного из таких реальных читателей, описывая историю из харьковской юности. Рассуждая об отношениях со Светкой, Эдичка указывает: «Она очень ценила мой, семнадцатилетнего парня дневник, который я по просьбе Светки давал ей читать. Наш роман она поощряла, а мне предрекала будущее литератора. К сожалению, она оказалась права» [Лимонов, 1992, с. 193]. История Светки займёт меньше страницы, в тексте она больше нигде не возникнет, но зато очень ярко подсветит специфику отношений Эдички не только с литературой, но и с женщинами (об Эдичке как романтике см. [Корнилова, 1980]). В

«Истории его слуги» есть похожая сюжетная ситуация: герой читает свои стихи восхищенной Дженни Джексон [Лимонов, 2021, с. 73].

Вокруг читателя вращается целая мотивная линия в «Истории его слуги». Она связана с обсуждением в той или иной форме романа «Это я – Эдичка». Рассказчик пытается опубликовать этот роман (в частности, этому посвящена глава одиннадцатая), даёт почитать рукопись различным персонажам, оставляя место для их критических отзывов. Так, поэт Ефименков (за ним легко угадывается Е. А. Евтушенко) восторженно отзывается о романе «Это я – Эдичка». Для него этот роман был не просто откровенным повествованием, а не бывалым в русской литературе откровением, роман произвел ошеломляющий эффект [Лимонов, 2021]. Противоположную точку зрения выражает героиня по имени Сэра. Она пишет письмо Эдуарду, в котором утверждает, что книга Лимонова скучная, поверхностная, банальная, именно поэтому, а не по какой-то другой причине, она не может быть принята не одним издательством [Лимонов, 2021]. Наконец, сам Эдуард даёт высокую оценку «Это я – Эдичке», для него важно, что герой представляет собой пример сильной личности, проходящей сложный путь становления. Издатель, отказавший в публикации книги, ничего в ней не понял [Лимонов, 2021].

Невозможность напечатать «Это я – Эдичку» отзывается и в «Дневнике неудачника», где герой пессимистически заявляет об абсолютной неосуществимости желания увидеть книгу напечатанной и стать известным писателем [Лимонов, 2007, с. 244, 246].

В «Истории его слуги» и «Дневнике неудачника» рассказчик выстраивает

одинаковый образ идеального читателя. В «Истории его слуги»: «...лучший читатель, которого я желаю своим книгам, уже сделанным, и тем, которые в будущем еще напишу, – это молодой полковник, впрочем, майорам и лейтенантам мои книги тоже не возбраняются» [Лимонов, 2021, с. 343]. В «Дневнике неудачника»: «Верю, что будет читать меня молоденький лейтенант перед атакой, на ветреном весеннем холме, а внизу – город, который предстоит взять. И замрет молоденький лейтенант над моей книгой в ужасе и восхищении от самого себя, читая... все прочтет мой молоденький лейтенант. И поймет...» [Лимонов, 2007, с. 219]. Такой выбор идеального читателя обусловлен тем, что для рассказчика (впрочем, как и для автора) военный человек – это человек дела, умеющий разрешить все вопросы, способный установить справедливый порядок через производство насилия [Лимонов, 2021, с. 343].

Обращения же к эксплицитному нарратору (к господам, ребятам и т. д.) в тексте сигнализируют о демонстрации субститута, замене читателю реальному. Эдичка размышляет о невнимании американского общества к писателям вообще, а особенно к писателю русскому, русскоязычному [Лимонов, 1992]. Следующая цитата говорит о схожести печальной судьбы писателя в СССР и в Америке: «Персонал отеля считает нас, я думаю, никчемными лодырями, приехавшими обедать Америку... Я писатель уже десять лет. Я не виноват, что обоим государствам мой труд не нужен. Я делаю мою работу – где мои деньги? Оба государства п...т, что они устроены справедливо, но где мои деньги?» [Лимонов, 1992, с. 18]. ««Я умру в муках – в тюрьме или на

виселице», – как со страхом открыл я сам. У меня нет денег, и никто меня не поддерживает», – констатирует нарратор, находящийся в Америке, в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 148]. Любопытно, что эксплицитный нарратор напротив выглядит весьма образованным, например, ориентирующимся в живописи: «...у женщин-девочек, плоскогрудых и развратных андрогинов, похожих, скажем, на Олимпию с известной картины Манэ, *вы помните* [выделено мной – М. Е.]» [Лимонов, 2021, с. 78].

В любом случае коммуникация с «читателями» означает вождление, желание обрести, пускай в такой форме, слушателя. Герой «Дневника неудачника» декларирует, говоря о себе в третьем лице: «Часто наш писатель выходит на улицы с очевидным намерением продаться кому-то или просто переспать с первым встречным – женщиной или мужчиной» [Лимонов, 2007, с. 63]. Не случайно Э. Лимонов сравнивает стиль «Это я – Эдички» с воплем [Лимонов, 1992а, с. 323], ему важно, чтобы «вопл» был услышан: «Записав вопли, новорожденный автор стал думать, что же с ними делать. Не ожидая понимания от экс-соотечественников по Старой Родине, автор сосредоточил все усилия на нахождение американского издателя» [Лимонов, 1992а, с. 323]. В «Истории его слуги» такую же характеристику «Это я – Эдички» даёт уже один из персонажей, поэт Ефименков: «Это крик! Книга написана в жанре крика» [Лимонов, 2021, с. 34].

Герой-рассказчик в романах беспощадно обнажает себя (во всех смыслах этого слова) перед читателем. В текстах много сцен, рисующих самые интимные переживания и действия

персонажа, в особенности это относится к «Это я – Эдичке». Здесь и сцены физической близости, выписанные с подробностями, и откровенные размышления о насилии, которое так нравится рассказчику, и заветные думы о любви и т. д. [Геллер, 1980]. В «Истории его слуги» повествователь откровенничает: «...пока единственное, что мне остается, – это писательство и секс – эти единственные две сферы, в которых человек, если он смел, до сих пор еще может проявить себя более или менее свободно» [Лимонов, 2021, с. 288]. Эдичка как истый эксгибиционист выставляет напоказ своё тело и сокровенные мысли. А эксгибиционисту всегда нужен зритель, такой зритель появляется внутри текста в виде «читателя», к которому обращается рассказчик. «Личность Эдички наглядно доказывает, что солипсизм, эгоизм и эксгибиционизм вытекают друг из друга» [Синявин, 1982, с. 259]. В эксгибиционистском акте всегда субъект желает быть наблюдаемым, то есть происходит превращение субъекта в объект. «Моя внутренняя жизнь давно уже превратилась во внешнюю и наоборот...» – признается герой в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 206].

«Опять потянулись нью-орктаймцы. Читатели х...вы. Сизифы с грузом», – наблюдает Эдичка и тут же добавляет: «Впрочем, читаю ее и я» [Лимонов, 1992, с. 237] (речь о газете «Нью-Йорк таймс»). Несмотря на всю ненависть к преуспевающим богачам-читателям (см. приведенную выше цитату), герой стремится к близости к ним, к тому, чтобы занять их место. Свое почти нищенское положение рассказчик считает вопиющей несправедливостью: «...я злился и мечтал, я думал о мире, о сексе, о женщинах и

мужчинах, о богатых и бедных. Почему один ребенок рождается в богатой семье, и с детства имеет все, чего бы ни пожелал, а другие... эти другие в моем представлении были люди вроде меня, те, к кому мир несправедлив» [Лимонов, 1992, с. 52]. Нельзя не заметить того, что в «Истории его слуги» Эдуард чрезмерно завидует своему хозяину миллионеру Стивену Грею, у которого работает камердинером.

Действительно, рассказчик желает стать «читателем», занять его позицию. На страницах лимоновских романов герой комментирует литературные произведения (от античных авторов до современных американских), выражает собственное отношение к писателям, литературным героям. В «Это я – Эдичке» он вспоминает «Фабрику» А. А. Блока (в тексте приводится полностью последняя строфа стихотворения), заключает: «И вот, идя на работу, возвращаясь с работы, я чувствовал себя таким нищим, одним из тех, кого провели. Моя родная русская литература не давала мне стать простым человеком и жить спокойно...» [Лимонов, 1992, с. 58].

Литература управляет жизнью Эдички. Именно внимательное прочтение упомянутого поэтического текста заставляет его уйти с должности помощника официанта: «Э, я не вполне доверял своей русской литературе, но я прислушивался к ее голосу, и она меня все-таки домучила. Постоянное “А в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели”, под желтыми окнами я подразумевал Парк-авеню, Пятую и их обитателей, заставило меня однажды подойти к Фрэду-менеджеру и сказать ему: “Простите, сэр, но посмотрев на эту работу я пришел к выводу, что такая работа не для меня...”» [Лимонов,

1992, с. 58]. В «Истории его слуги» Эдуард вспоминает строчки Катулла, именно эти строчки кардинально изменяют психологическое состояние героя [Лимонов, 2021, с. 69]. В «Дневнике неудачника» герой читает, например, письма Че Гевары: «Дошел до последнего письма к родителям и до строчки о «маленьком солдате фортуны двадцатого века» – вдруг взрыв слез – брызги слез, одновременно с уколами во всех корнях волос на всем теле» [Лимонов, 2007, с. 137].

Рассказчик-герой романов Э. Лимонова подчеркивает, что является поэтом. Однако в романы не помещены его произведения (за исключением двух коротких стихотворных текстов в «Это я – Эдичке», написанных на случай и состоящих из семи строчек, например: «Тампакс / Елены Сергеевны / неиспользованный, / девочка моя могла вложить / его в пипку – у нее / смешно тогда торчала, висела / из пипки нитка» [Лимонов, 1992, с. 60]; четверостишия и двух строчек в «Истории его слуги» [Лимонов, 2021, с. 72, 101]; стихотворения в китайском стиле в «Дневнике неудачника» [Лимонов, 2007, с. 41]). Эксгибиционизм здесь поворачивается другой стороной. Рассказчик много говорит о собственной значимости в качестве поэта: «...человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт – это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России все – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться, там – честь великая» [Лимонов, 1992, с. 34-35], «Не мог же я ей объяснить, что в моей стране я был одним из лучших поэтов» [Лимонов, 1992, с. 45], «Русский парень, воспитанный в богемной среде.

«Поэзия, искусство – это высшее, чем можно заниматься на Земле. Поэт – самая значительная личность в этом мире». Эти истины внушались мне с детства» [Лимонов, 1992, с. 54] и т. д. Фактически в этих случаях Эдичка замещает воспринимающего его стихи, то есть читателя. В каком-то смысле субъект (рассказчик) делается объектом приложения усилий. Самоуничижительно (или иронически) отзывается о себе герой в «Истории его слуги»: «Видишь, какими пошлыми стереотипами я мыслю, читатель, какие банальные мифы питают мое воображение слуги» [Лимонов, 2021, с. 267]. Ещё более резко высказывается герой в «Дневнике неудачника»: «Одну рубашку сшить приятно порой, ну, страниц несколько отпечатать тоже возбуждительно – ишь, умею, вон как ловко выходит. Но чтоб всю жизнь?!» [Лимонов, 2007, с. 82]. Здесь Эдуард уже не гениальный поэт, а мастеровой от литературы, тем более не желающий всю жизнь заниматься литературным творчеством. Этому он противопоставляет политическую и террористическую деятельность: «Х...й вы меня господином писателем сделаете. А вдруг миллион заработаю – оружия на эти деньги куплю и подниму в какой-либо стране восстание» [Лимонов, 2007, с. 183]; «Ох, поэт Эдка. Вот это работа – правительства свергать. Изысканная, возбуждающая» [Лимонов, 2007, с. 195].

В «Истории его слуги» сделать осязаемым процесс создания произведения позволяют многократно упоминаемые в тексте указания на хронологическую дистанцию между произошедшими событиями и событием рассказывания о них: «Я тоже пишу это все «после бала»» [Лимонов, 2021,

с. 97], «Разглядывая это знаменательное событие из сегодняшнего дня, вижу, что свадьба была скучнейшая, но тогда истосковавшемуся по многолюдным сборищам Лимонову событие это показалось грандиозным и значительным» [Лимонов, 2021, с. 140], «Теперь я уже не употребляю этот жалобный прием, мне кажется, что он недостойн мужчины» [Лимонов, 2021, с. 143]. Несомненно, эта дистанция – одна из главных черт эпического произведения (см. например [Теория, 2004, с. 277-278]). Но одновременно такая акцентуация позволяет взглянуть на читаемый текст, как на искусственную конструкцию, возникающую по собственным законам, а это уже свойство метаповествования.

В «Дневнике неудачника» происходит тематизация процесса творчества. Проявляется она не только в том, что герой делится с читателем замыслами произведений, которые ему хотелось бы создать [Лимонов, 2007]. Первые фразы главки «Утро»: «Утром, сидя за листом бумаги, я подолгу гляжу в окно. Первая авеню в этой ее части, которую я могу обозревать, довольно пустынна. Редко можно увидеть больше одного прохожего за один взор. Тут я спотыкаюсь и ничего не могу больше придумать» [Лимонов, 2007, с. 206]. Герой признается, что не знает, как продолжить текст, но текст продолжается, словно бы намекая на иллюзии возникновения произведения на глазах читателя. Эту же иллюзию поддерживает и внешняя хаотичность выстраивания повествования в романе.

Таким образом, центральный герой в каждом из романов «Это я – Эдички», «Дневника неудачника», «Истории его слуги» одновременно и эксгибиционист, и вуайерист. Он выставляет

себя напоказ, без тени сомнения откровенно рассказывая о себе. При этом сам наблюдает, становится объектом подглядывания через своих представителей «читателей», обращения к которым включаются в текст. А читателю реальному предлагается переступить границу литературного произведения.

Заключение

Появление «читателя» на страницах исследуемых романов имеет временный характер, рассказчик находится в состоянии, когда как бы постоянно откладывает «метатекстуальность». Рассказчик нуждается в постоянном отсутствии-присутствии, мерцании читателя-собеседника. Тем самым поддерживается иллюзия балансирования на грани вымышленности-реальности изображаемого мира.

При этом возникает сопутствующая проблема автофикциональности произведения. Всё же романы Э. Лимонова

невозможно назвать автобиографическими в полном смысле слова. Сам автор предпочитал уклоняться от того, чтобы утвердительно заявлять о том, всё ли описанное действительно случилось с ним. Мерцающая метаповествовательность откликается и игрой с документализмом-псевдоментальностью. Автобиографический герой взывает к документальности, а элементы метаповествовательной техники превращают текст только в выстроенное вымышленное повествование.

Э. Лимонов выбирает определенную стратегию. В его романах метаповествование намекает на искусственность конструкции, но одновременно рассказчик конструирует повествование так, что натуралистичность и исповедальность становится классической характеристикой произведений (см. например [Боков, 1980; Вайль, 1982, с. 168]).

Библиографический список

1. Боков Н. Нарцисс на асфальте Нью-Йорка // Ковчег. 1980. №5. С. 94-95.
2. Вайль П. Современная русская проза / П. Вайль, А. Генис. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
3. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. №5. С. 84-88.
4. Донде А. Эдуард, Эдик и Эдичка... // Лимонов Э. Палач. Москва : Журнал «Глагол», 1993. С. 289-305.
5. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. Москва : Intrada, 2014. 488 с.
6. Корнилова Л. Последний романтик Эдичка // Ковчег. 1980. №5. С. 89-93.
7. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992. 335 с.
8. Лимонов Э. The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения «Это я – Эдичка» // Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992а. С. 323-332.
9. Лимонов Э. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. 271 с.
10. Лимонов Э. История его слуги. Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. 368 с.

11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
12. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Октябрь. 2013. №11. С. 173–178.
13. Синявин И. Купите Эдичку! // Russica-81. New York : Russica Publishers, Inc., 1982. С. 256–261.
14. Теория литературы: В 2 т. Т. 1: Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Москва : Академия, 2004. 512 с.
15. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва : Советский писатель, 1983. С. 9-25.
16. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp. 221-232.
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ja – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459.
18. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
19. Simmons C. Edichka: A Butterfly with a Poet's Heart // Simmons C. Their fathers' voice. Vassily Aksyonov, Venedikt Erofeev, Eduard Limonov, and Sasha Sokolov. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1994. 218 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

Reference list

1. Bokov N. Narciss na asfal'te N'ju-Jorka = A daffodil on the New York asphalt // Kovcheg. 1980. №5. S. 94–95.
2. Vajl' P. Sovremennaja russkaja proza = Contemporary Russia prose / P. Vajl', A. Genis. Ann Arbor : Jermitez, 1982. 192 s.
3. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je. Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preparatory notes on the theory of scandal, avant-garde and eroticism in literature based on E. Limonov's novel It's Me, Eddie // Kovcheg. 1980. №5. S. 84–88.
4. Donde A. Jeduard, Jedik i Jedichka... = Eduard, Edik, Edichka // Limonov Je. Palach. Moskva : Zhurnal «Glagol», 1993. S. 289–305.
5. Zuseva-Ozkan V. B. Istoricheskaja pojetika metaromana = Historical poetics of metanovel. Moskva : Intrada, 2014. 488 с.
6. Kornilova L. Poslednij romantik Jedichka = The last romantic Edichka // Kovcheg. 1980. №5. S. 89–93.
7. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = It's Me, Eddie. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
8. Limonov Je. The Absolute Beginner, ili Pravdivaja istorija sochinenija «Jeto ja – Jedichka» // Limonov Je. Jeto ja, Jedichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992a. S. 323–332.

9. Limonov Je. Dnevnik neudachnika, ili Sekretnaja tetrad' = Diary of a Loser, or Secret notebook. Sankt-Peterburg : Amfora. TID Amfora, 2007. 271 s.
10. Limonov Je. Istorija ego slugi = His Butler's Story. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2021. 368 s.
11. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.
12. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Oktjabr'. 2013. №11. S. 173–178.
13. Sinjavin I. Kupite Jedichku! = Buy Edichka! // Russica-81. New York : Russica Publishers, Inc., 1982. S. 256–261.
14. Teorija literatury: V 2 t. T. 1: Tamarchenko N. D., Tjupa V. I., Brojtman S. N. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika = Theory of Literature: In 2 vol. Vol. 1: Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. Theory of literary discourse. Theoretical poetics. Moskva : Akademija, 2004. 512 s.
15. Shklovskij V. B. Iskusstvo kak prijom = Art as a technique // Shklovskij V. B. O teorii prozy. Moskva : Sovetskij pisatel', 1983. S. 9–25.
16. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp. 221–232.
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438–459.
18. Ryan-Hayes K. Limonov's «It' s Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Vesk Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1–37.
19. Simmons S. Edichka: A Butterfly with a Poet's Heart // Simmons S. Their fathers' voice. Vassily Aksyonov, Venedikt Erofeev, Eduard Limonov, and Sasha Sokolov. Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1994. 218 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 16.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024